

РАСПАЛАСЬ СВЯЗЬ

Трагедия на шахте «Распадская» заставила специалистов говорить о современном состоянии всей угольной отрасли России. И о главных проблемах, которые перед ней сегодня стоят

Природа опасности

У них единственная беда — очень сложные горно-технологические, горно-геологические условия. И они уже работают на глубине 500 метров, а пласты выбросоопасны, хотя в отношении содержания метана у нас есть шахты посерьезнее. Кузбасс вообще уникальный горно-технологический район, самый тяжелый в мире, здесь сосредоточены все самые сложные условия добычи. И труд в таких условиях всегда сопряжен с опасностью. Потому и спасатели в шахте работают, и специальное оборудование устанавливается. Это в Америке шахты: сухо, народ гуляет, на джипах ездят, 300 человек добывают не больше миллиона тонн. Но в Кузбассе нет таких шахт. У нас то вода, то нарушенность... А «Распадская» — это целый подземный город. Московское метро в Междуреченске. И как любая большая система, наиболее подвержена вероятностному риску. Плюс высокие нагрузки на забой. Но без этого сегодня на рынок не выйдешь.

По мнению наших специалистов, роковую роль сыграла большая глубина. А во-вторых, это самый напряженный участок, который проходит под рекой, и там технологически тяжело производить дегазацию. Хотя ее производили. Но когда происходит внезапный выброс метана — никакие датчики не спасут. То, что они не показали метан, еще ни о чем не говорит. Представляете: за 2-3 миллисекунды вылетает 50-60 тысяч кубометров газа. Датчики просто не успевают сработать.

Стечение обстоятельств

Сразу хочу заметить, что инженерно-технические работники «Распадской» — самые высококлассные инженеры в Кузбассе. Мы давно

работаем с Геннадием Ивановичем Козовым. И он действительно опытейший руководитель и горный инженер. Доктор технических наук, из тех, которые не покупают дипломы и диссертации, а защищают. И, наверное, единственный в России владелец шахты, который сам туда постоянно спускается и смотрит, как работает оборудование. Он шахту в буквальном смысле на коленках прополз. Трудно найти директора шахты, который бы так блестяще знал структуру, которой руководит. Система управления на «Распадской» самая лучшая, современнее в мире нет. Он на это денег никогда не жалеет. В отличие от многих других собственников.

Но природа есть природа, и от случайностей никто не застрахован. Чем тяжелее производство, тем вероятнее, что эта случайность может произойти. Такое вот редкое стечение природных и технологических обстоятельств. Мы готовы отстаивать эту точку зрения на любом уровне. И самое обидное, что это случилось на шахте столь высокого уровня. Козовой виноват настолько, насколько виноваты мы, ученые. А вина наша в том, что мы сегодня не можем точно предсказать, в каком месте завтра случится ЧП. Высокотехнологичная шахта, современный комплекс, современные контрольные механизмы... Конечно, есть какие-то предвестники. И наука могла бы спрогнозировать, посчитать, но сегодня сказать точно, что завтра в такое-то время будет выброс, мы не можем.

Без информации

Мы уже года два пытаемся вывести наших угольщиков из состояния ступора по отношению к науке. Наш институт, который один из многих отраслевых институтов страны выжил только благодаря тому, что

Вадим Потапов, директор Института угля и углехимии Сибирского отделения РАН, доктор технических наук, профессор:

— Произошла страшная трагедия. Но я категорически против точки зрения, что в ней виноват человеческий фактор. То, что произошло, — просто дикий случай. Могла взорваться какая угодно шахта, но только не «Распадская». Комиссия ведет расследование, конечно. И когда рассказывают, мол, пьяный шахтер в забое закурил, а потом все вспыхнуло, — это история не про «Распад». Там дисциплина высочайшая, людей постоянно обучают. Это не только крупнейшая, но и лучшая в России шахта, с точки зрения дисциплины, технологии.

входит в Академию наук, возложено все — начиная от безопасности и заканчивая технологиями в угольной промышленности. Согласно уставу, Академия наук должна осуществлять внешнюю экспертизу. Но как ее можно осуществлять, не имея реальных данных? Мы уже доходим до того, что начинаем со спутника наблюдать за состоянием поверхности. Потому что информации о ходе горных работ, без которой нельзя принимать решения, мы получить не можем.

Беда сегодняшней угольной промышленности, с нашей точки зрения, в том, что собственники шахт находятся где-то далеко, и получить точную информацию о состоянии шахт сегодня практически невозможно. Администрация области ставит перед нами задачу: сколько Кузбасс может добывать угля. А мы не можем получить реальные данные о технико-экономическом состоянии и состоянии газового массива. Сегодня, когда угольные предприятия стали частными, это очень тяжело. Производственники откровенно говорят нам: «Мы вам ничего не дадим». Им рисковать большой зарплатой и креслом из-за каких-то там данных неинтересно. И закона, который бы заставлял их это делать, нет. Получается замкнутый круг. Мы не можем предпринять что-то советовать, потому что у нас нет информации. А у производственников информация есть, но они ее не могут давать. Ученых в шахту начинают приглашать, только когда чувствуют, что вот-вот гром грянет.

И эта проблема без определенных законодательных мер не разрешится. Администрация области пытается нам помочь, но частная собственность сегодня связала руки всем — и власти, и ученым. Кстати, Козовой как раз предоставляет реальную информацию, как собственник и руководитель. В одном лице. С ним проще разговаривать, он через себя все пропустил. И как ученый понимает, что без информации ничего не сделаешь. Кстати, у меня из пяти аспирантов-угольщиком двое — с «Распадской».

Мониторинг на угольных предприятиях ведется, уровень метана все замеряют. А что толку? Если и получают данные, то не знают, как их обрабатывать. Информация копится, а решения принимаются только тогда, когда превышение содержания

метана происходит. А ведь важно следить именно за ходом процесса, за хронологией событий, чтобы была возможность прогнозировать.

Карты в руки

Говорить, что можно сделать так, чтобы таких трагических случаев больше не было вообще никогда, нельзя. Но чтобы, по крайней мере, понизить степень риска горнодобывающих предприятий, нужна серьезная система объективного, комплексного, независимого мониторинга угольной промышленности. Геомеханического, газодинамического. Это одно из современных требований. А обрабатывать большой комплекс разнородных данных, проводя сравнительный анализ, сегодня могут только академические институты. Мы можем создать центр обработки информации. У нас есть для этого методы и средства, есть специалисты. По этой информации мы сможем строить карты опасных зон, в которые не рекомендуется заходить

либо заходить медленно. А у нас как получается: даем природе пинка и смотрим, что будет. Не отозвалась природа — а ну-ка, еще сильнее...

Но независимого мониторинга не будет, пока существует система, при которой хозяева командуют директорами. Администрация области уже сколько раз ставила вопрос: сегодня нужна новая система управления угольной промышленностью. Частный капитал в этом смысле не эффективен. Потому что каждый хозяин руководит по-своему. И Кузбассу, имеющему такую взрывоопасную промышленность, когда каждый день может что-то произойти, очень тяжело. Если бы был закон, обязывающий владельцев угольных предприятий выдавать объективную информацию о состоянии процессов, они никуда бы не делись. Наука сегодня технически и технологически такую систему может создать. Вопрос только в финансировании и принятии необходимых регламентирующих документов.